

Прошло несколько дней, прежде чем Шангуань Цинъюнь оправился от той небесной кары и смог обдумать текущее положение дел. Он, без сомнений, поистине являлся баловнем Небесного Пути: эта грозная кара не только не убила его, но и позволила переродиться в младенце с куда более выдающимися природными задатками и духовными корнями. Если прямо сейчас начать практиковать техники прошлой жизни, то, когда он повзрослеет, в этом мире появится еще одно великое могущественное существо. Спустя сто лет он сможет пробить границу пустоты и стать тем, на кого устремлены взоры всего мира, а к тому времени у него наверняка появятся и те прекрасные спутницы, что были в прошлые годы.

Подумав об этом, Шангуань Цинъюнь закрыл глаза, сосредоточил мысли и привел дыхание к единству, запуская ту самую технику, которую в прошлой жизни нашел под обрывом. Именно она стала поворотным моментом, когда он находился в самом тяжелом и беспомощном положении. Освоив эту практику, он занял первое место на внутреннем состязании секты, отвесив звонкую пощечину тем, кто прежде смотрел на него свысока. Жаль только, что сейчас не удастся увидеть лица тех людей, искаженные от неверия.

Заставив духовную энергию сделать один полный оборот в теле, Шангуань Цинъюнь по привычке из прошлой жизни мысленно направил потоки ци. Однако, когда энергия двинулась из дантяня по меридианам, она повела себя так, будто вышла из-под контроля: затерявшись в хрупких крошечных каналах, она начала метаться и буйствовать, едва не разрывая их на части. Терзаемый этой внезапной жуткой болью, Шангуань Цинъюнь невольно выплюнул полный рот алой крови. Служанка и кормилица, дежурившие неподалеку, испугались до полусмерти при виде крови маленького господина и бросились звать главу клана Шангуань.

— Что здесь произошло? — холодно спросил Шангуань Цинлянь, прощупывая пульс Шангуань Цинъюня.

Услышав леденящий, подобный морозу голос Шангуань Цинляня, стоявшие рядом слуги от страха рухнули на колени прямо на пол.

— Мы... мы не знаем! Просим... просим главу клана, молим главу клана пощадить наши жизни!

— Ха, отправляйтесь в дисциплинарный зал и примите наказание.

С этими словами лица слуг, ухаживавших за Шангуань Цинъюнем, полностью посерели. Уж лучше бы Шангуань Цинлянь прикончил их на месте, чем отправляться в дисциплинарный зал.

Когда стража увекла слуг, у Шангуань Цинляня наконец появилась возможность как следует заняться меридианами Шангуань Цинъюня. Но чем дольше он их исследовал, тем ледянее становился его взгляд.

— Кто же проявил такую жестокость и влил столь неистовую духовную энергию в тело моего сына? Неужели они думают, что в клане Шангуань перевелись мужчины? Ищите, расслейте со всей тщательностью! — гневно бросил Шангуань Цинлянь и со злости разломал пополам нефритовое полукольцо, которое обычно любил перебирать в пальцах.

Много лет он занимал пост главы клана Шангуань, и когда его крылья окончательно окрепли, еще никто не смел бросать вызов его авторитету. Сегодня же нашелся безумец, решившийся на такой шаг и полностью разрушивший меридианы его единственного наследника.

— Слушаюсь, — подчинившись приказу, подчиненный почтительно отступил.

В этот момент Шангуань Цинлянь перевел взгляд на Шангуань Цинъюня. Видя, как его единственный ребенок лежит на кровати с совершенно бледным лицом, он почувствовал глухую боль в груди. Пусть он и испытывал сильнейшее отвращение к матери мальчика, это дитя оставалось его плотью и кровью, а возможно, и единственным ребенком в этой жизни — как тут не проникнуться жалостью?

Шангуань Цинлянь поднял младенца с кровати и, неуклюже подражая тому, как его носили служанки, принялся мягко укачивать сына.

— Ты — сын Шангуань Цинляня, и даже с разрушенными меридианами ты в тысячу и десять тысяч раз лучше остальных.

Глядя на осунувшееся, лишенное прежней розовости и здорового румянца личико хрупкого малыша на руках, Шангуань Цинлянь ощутил к Шангуань Цинъюню еще большую нежность. Если ему удастся отыскать злоумышленника, причинившего вред его ребенку, он заставит того возненавидеть саму жизнь. Но сейчас самой срочной задачей было найти способ исцелить меридианы Цинэра.

Самому же Шангуань Цинъюню сейчас пришлось несладко. Как же так вышло, что техника, прекрасно работавшая в прошлой жизни, привела к полному разрушению меридианов? Неужели он что-то напутал в деталях этой практики? Впрочем, ему и в голову не приходило признать собственную глупость: в прошлой жизни, когда он начал заниматься по этому методу, ему было уже семнадцать-восемнадцать лет, и его меридианы, разумеется, не были столь хрупкими, как у нынешнего младенца. Более того, перед началом занятий он проглотил тысячелетний духовный плод, который дополнительно расширил его каналы, позволив выдержать столь свирепую энергию. Пытаться же практиковать столь суровую технику в теле новорожденного было не чем иным, как чистейшим самоубийством.

Когда Шангуань Цинлянь с помощью духовной энергии унял боль сына, у Шангуань Цинъюня появились силы подумать о восстановлении меридианов. Однако с горечью он обнаружил, что среди изученных им в прошлой жизни техник нет ни одной, способной исцелить поврежденные каналы. Теперь он горько корил себя за то, что в свое время не дочитал все трактаты из библиотечного павильона секты. Похоже, ему снова придется вернуться к той жалкой жизни, что была у него до триумфа на сектантском турнире. От этих мыслей на душе у Шангуань Цинъюня стало тяжело и горько.

Шангуань Цинлянь, прижимавший его к груди, словно почувствовав что-то, мягко произнес:

— Не бойтесь, Цинэр, я рядом.

Услышав слова Шангуань Цинляня, Шангуань Цинъюнь удивленно взглянул на него и подумал: неужели это и есть родственные чувства, когда, каким бы ты ни был, от тебя не отвернутся? Жаль лишь, что в прошлой жизни он был сиротой и никогда не познал тепла семьи.

<http://bllate.org/book/21145/2144193>